

Мильбрет Алина Александровна

**СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБЩЕЙ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ВНЕШНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ**

В статье рассматриваются существительные, дающие общую отрицательную оценку внешности человека. Выявлена представленность анализируемых единиц в языковом сознании носителей русского языка, особенность их параметризации и функционирования в различных типах дискурса, описан прагматический компонент их значения. Анализ проводится в рамках лингвокультурологического направления, актуального для современного языкознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 128-131. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.161.1:81

Филологические науки

В статье рассматриваются существительные, дающие общую отрицательную оценку внешности человека. Выявлена представленность анализируемых единиц в языковом сознании носителей русского языка, особенность их параметризации и функционирования в различных типах дискурса, описан прагматический компонент их значения. Анализ проводится в рамках лингвокультурологического направления, актуального для современного языкознания.

Ключевые слова и фразы: языковое сознание; языковая картина мира; языковая ментальность; прагматический компонент значения; лингвокультурология; ассоциативный эксперимент; когнитивный тест.

Мильбрет Алина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

alina_stepanova@mail.ru

**СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБЩЕЙ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ
ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ[©]**

В современных исследованиях принято считать, что понятие «сознание» не имеет однозначного описания и по-разному определяется в различных дисциплинах. В связи с этим определение понятия «языковое сознание», как правило, соотносят с категорией языкового мышления и понятиями «языковая личность», «языковая картина мира», «языковая ментальность» [3].

С начала 80-х годов проблемы описания человеческого фактора в языке приобретают большую актуальность, в лингвистике возникают антропоориентированные отрасли – психолингвистика, прагматика, теория коммуникации. В связи с этим объектом отражения языкового сознания становится язык, «выполняющий особую социальную функцию – обслуживание потребностей речевой деятельности» [1, с. 134].

На сегодняшний день существует несколько взглядов на понятие *языковое сознание*. Одни исследователи (например, Е. Ф. Тарасов [14]) полагают, что в дихотомии «сознание и язык», главным является сознание, другие (например, И. А. Зимняя [9]) на первый план справедливо выводят роль человеческого фактора.

В настоящий момент, самыми распространёнными являются два понимания термина «языковое сознание»: широкое и узкое [12, с. 162]. В широком значении языковое сознание включает в себя «отражение объективного мира в двухстороннем знаке, в котором соединены представления о предметах и явлениях объективного мира со звукомоторными представлениями... Языковое сознание является своего рода рефлексией над языком и модусами его существования... В узком значении языковое сознание можно определить как умения, в которых отражена совокупность законов, правил и закономерностей языка. Совокупность этих умений проявляется в способности правильно выбрать и употребить языковые средства в процессе коммуникации» [3].

В повседневной жизни происходит взаимосвязанный процесс: состояние сознания человека подлежит вербальному выражению, и, в то же время, сознание подвергается словесным воздействиям [15, с. 15]. Таким образом, языковое сознание существует благодаря непрерывному взаимодействию сознания, человеческой мысли, её языкового выражения и культуры.

В этой связи представляется целесообразным принять следующее определение языкового сознания: образ языкового сознания представлен языковыми средствами, отражающими перцептивные и концептуальные знания языковой личности о культурных предметах реального мира. При этом данный процесс объективирован той реальной ситуацией (экологией), в которой он происходит [11, с. 96].

Результаты овнешнения образов языкового сознания можно наблюдать с помощью экспериментальных методов, используемых в лингвистике. Наиболее эффективным и отработанным экспериментальным методом изучения структуры языкового сознания считается ассоциативный эксперимент. «Этот прием направлен на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте. Он позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений» [2, с. 52].

Задачей данной статьи является экспликация языкового сознания русского лингвокультурного сообщества, представленного существительными, характеризующими внешне непривлекательного человека, и определение параметров, учёт которых необходим при анализе данных существительных.

Необходимость использования портретного описания постоянно возникает в процессе коммуникации, так как общение людей предполагает, прежде всего, идентификацию объекта, фиксацию представлений об участнике коммуникативного акта. С точки зрения психологии, в первую очередь, возникает общее впечатление о человеке – привлекательности или непривлекательности его внешнего облика. Эта особенность восприятия при взаимодействии и коммуникации людей универсальна для представителей любой национальности. Но представление о красоте человека, эталоны красоты различны у представителей разных культур, что обуславливает и использование различных языковых средств при оценке внешности человека. Лексические единицы русского

языка, характеризующие внешность человека (её общую оценку), требуют специального исследования в аспекте лингвокультурологии, так как их анализ дает возможность описать наивные языковые представления носителей русского языка, сложившиеся под воздействием национального мировидения и мировосприятия.

Научная новизна исследования заключается в выявлении имплицитных смыслов лексических единиц со значением общей отрицательной оценки внешнего облика человека, обусловленных культурой носителей русского языка и актуализирующихся в современных текстах и языковом сознании русских людей.

Детальному лингвокультурологическому анализу были подвергнуты 12 существительных со значением общей отрицательной оценки внешности: *урод, уродина, уродка, дурнушка, страшилище, страшило, чудище, чудовище, пугало, обезьяна, крокодил, Квазимодо*.

Материалом исследования послужили данные толковых словарей русского языка [4-7; 13], иллюстративные контексты сайта «Национальный корпус русского языка» [10], а также результаты ассоциативного эксперимента и когнитивного теста, проведенных по методике, предложенной В. Ждановой [8].

Для выявления представленности анализируемых единиц в языковом сознании носителей русского языка нами были проведены ассоциативный эксперимент и когнитивный тест.

В проведенном опросе приняли участие 50 человек в возрасте от 18 до 60 лет. Предложенную анкету заполнили 27 женщин и 23 мужчин. Подавляющее большинство опрошенных составили молодые люди с высшим образованием (как гуманитарным, так и техническим) или студенты.

Испытуемым предлагалось 2 задания: 1) написать ассоциации, возникающие у них в связи со словом-стимулом – ассоциативный эксперимент; 2) дать определение понятию (например, *урод – это...*) – когнитивный тест.

Полученные данные верифицировались с помощью лексикографических источников и исследования иллюстративных контекстов, включающих интересующие нас единицы.

Проведенный анализ позволил констатировать следующее.

С точки зрения объекта характеристики, нерелевантными оказываются такие параметры, как возраст человека, его социальный статус и пол.

С точки зрения гендерной характеристики, важно отметить следующее. Существительное *урод*, зооморфизмы *обезьяна* и *крокодил* могут номинировать лицо как женского, так и мужского пола. *Уродка* и *дурнушка* – только женского пола; *Квазимодо* – только мужского пола. Существительные *пугало, чудище, чудовище, страшило, страшилище*, употребляются по отношению к лицам женского и мужского пола, а по результатам эксперимента пол лица является неопределённым (*человек, существо, создание* и др.). Существительное *уродина* характеризуется на словарном уровне как существительное общего рода, употребляемое носителями языка преимущественно по отношению к лицам женского пола.

С точки зрения эксплицируемой в контексте конкретизации внешности, широкое варьирование допускают *урод, уродина, уродка* и *дурнушка*. Например: «Наконец отец все-таки решил, что пора отдохнуть, а я, оказавшись в своей комнате, дрожащими от нетерпения руками достала портрет. Рыжая. Удивительно, ни за что бы не предположила, что она была *рыжая*... И *дурнушка*. Самая *настоящая дурнушка: тяжёлая челюсть, вздернутый нос, высокий покатый лоб, который подошел бы скорее мужчине*» (Анна Ткачева. Приворот. 1996) [10].

Определённые черты внешности отмечаются при описании облика *пугала* (одежда), *обезьяны* (волосяной покров), *Квазимодо* (горб). Небольшой конкретизацией внешности или её отсутствием отличаются *страшило, страшилище, чудище, чудовище* и *крокодил*. Видимо, это связано с тем, что данные номинации вызывают чувство страха, при котором трудно конкретизировать отдельные черты внешности.

Внешность *урода, уродины, дурнушки* и *страшилища* допускает ситуативные преобразования, она не обязательно дана от природы. Например: «– Э, брось! Я же тебе говорила, как делаются такие фото. *Из любой юной богини можно сделать страшилище*» (Татьяна Моспан. Подиум. 2000) [Там же].

С точки зрения характеристики интеллектуального развития, существительные характеризуются следующим образом. Различный уровень интеллекта может наблюдаться у *урода, уродины, уродки, дурнушки*. Например: «Знает четыре иностранных языка. Дэн лениво отвечает: – Про них про всех так пишут. А по жизни – *уродка* и *тупь* несусветная. Рожу подкрасят, сфотают с голыми титьками, десять грин в зубы – гут бай, мразевка» (Роман Сенчин. Афинские ночи // «Знамя», 2000) [Там же]; «Если б еще я была очень умной! Я заметила, что *уродки* всегда очень умные. Наверно, этот ум дается вместо красоты» (Валентина Осеева. Динка прощается с детством. 1969) [Там же]. Низким уровнем интеллекта в русском языковом сознании обладает *пугало, обезьяна, крокодил*. *Обезьяну* характеризует также неуместное поведение. У существительных *страшилище, страшило, чудовище, чудище, Квазимодо* данный параметр в описании не представлен.

С точки зрения возможности употребления для выражения самооценки, выделяются следующие существительные: *урод, уродина, уродка, дурнушка, страшилище, страшило, крокодил*.

С точки зрения характеристики свойств личности, наблюдается вариативность. Несмотря на непривлекательную внешность, *дурнушка* и *Квазимодо* могут обладать положительными личностными свойствами. *Пугало* и *чудовище* отличают отрицательные свойства личности. Амбивалентная оценка свойств личности присуща *чудищу*.

С точки зрения этнической характеристики, следует выделить существительные *урод, уродка, страшило, обезьяна*. Они используются для номинации человека, принадлежащего к тому или иному этническому типу. Например: «– Ну грохни меня! За что тебе тогда бабки заплатят? *Обезьяна!* Гиви дернул, как от удара, но смолчал. Маленькая победа над развязным *грузином* лишь на короткое время потешила Милюно самолюбие» (Вадим Громов. Компромат для олигарха. 2000) [Там же].

С точки зрения субъективности восприятия внешности, выделяются существительные *урод*, *дурнушка* и *крокодил*, так как их употребление сильно зависит от личных предпочтений говорящего. Например: «Он казался мне уродом, потому что был ниже меня ростом, имел длинный нос, и я считала, что такой обожатель меня вовсе не украшает» (Нина Катерли. Сквозь сумрак бытия // «Звезда». 2002) [Там же].

С точки зрения стереотипного представления о влиянии непривлекательной внешности на личную жизнь, карьеру, следует отметить, что внешность *урода* и *дурнушки* не является препятствием для карьеры и личной жизни, а внешность *уродины* негативно влияет на карьеру и личную жизнь. Например: «Продавщица дорогой парфюмерии не может быть уродиной, говорит он. Иначе никто не взглянет на нее, не остановится. А раз не взглянет и не остановится, то он, как покупатель, потерян» (Елена Белкина. От любви до ненависти. 2002) [Там же].

Наличие других значений существительных (кроме анализируемых) отмечается у большинства описываемых единиц. Они выявлены по результатам анализа иллюстративного материала, когнитивного теста, а также ассоциативного эксперимента.

Урод, *уродина* и *уродка*, кроме интересующего нас значения, выступают в значениях *живое существо с физическим уродством*; *человек с какими-нибудь дурными, отрицательными свойствами*, (ср. устойчивую сочетаемость *моральный урод*). Выделяется значение существительного *урод*, которое не отражено в словарях, но наблюдается в иллюстративном материале и результатах опроса: *не такой, как все*. Существительное *уродина* используется в качестве бранного слова. Стереотипное представление, которое было выявлено из анкет информантов, свидетельствует о формировании ещё одного значения существительных *урод*, *уродка*, *уродина* и *дурнушка* – *человек, отличающийся от других поведением*.

В русском языковом сознании на первый план выходит основное значение существительных *чудовище* и *чудище* – *фантастическое существо необычайного, устрашающего вида*. Кроме того, у *чудовища* эксплицируется ещё одно словарное значение *о человеке с крайне отрицательными, отталкивающими моральными качествами*.

В языковом сознании информантов преобладающим является и основное значение существительных *пугало* – *чучело, выставленное в садах и огородах для отпугивания птиц*, *обезьяна* – *млекопитающее, близкое к человеку по строению тела* и *крокодил* – *крупное водное пресмыкающееся с толстой панцирной кожей, обитающее в водоемах тропических стран*.

Существительное *обезьяна* представлено ещё в одном значении *о человеке, который подражает другим, передразнивает других; о том, кто гримасничает, кривляется*.

Существительные *дурнушка*, *страшилище*, *страшило* и прецедентное имя *Квазимодо* в исследованном нами материале представлены в одном интересующем нас значении.

Следует также отметить словообразовательную мотивацию большинства проанализированных единиц в современном русском языке. Например, объединение слов на основе общего корня *-род-*: *урод*, *уродина*, *уродка*. Внутренняя форма слова оказывает влияние на создание образа.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Способом выражения образов сознания являются средства языка, которые отражают перцептивные и концептуальные знания личности о предметах реального мира. Выявление особенностей национального языкового сознания, понимание его структур возможно с опорой на результаты ассоциативного эксперимента и когнитивного теста.

Проведенный лингвокультурологический анализ позволил выделить ряд параметров, среди которых обязательными являются следующие: объект характеристики, гендерная характеристика, конкретизация внешности.

Такие параметры, как характеристика интеллектуального развития, субъективность восприятия внешности, возможность употребления для выражения самооценки, характеристика свойств личности, этническая характеристика, влияние непривлекательной внешности на личную жизнь, карьеру, наличие других значений у существительных являются факультативными.

Список литературы

1. Белобородов А. А. Языковое сознание: сущность и статус // Современная наука и закономерности ее развития. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. Вып. 4. С. 131-147.
2. Горнинова Н. С. Ассоциативный эксперимент как способ изучения языкового сознания // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27). Ч. II. С. 52-53.
3. Горошко Е. И. Проблема проведения свободного ассоциативного эксперимента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=74> (дата обращения: 13.03.2014).
4. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4-х т. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. I (А-Й). 702 с.
5. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4-х т. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. II (К-О). 736 с.
6. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4-х т. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. III (П-Р). 752 с.
7. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4-х т. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. IV (С-Я). 800 с.
8. Жданова В. Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней // Русские и русскость: Лингво-культурологические этюды. М.: Гнозис, 2006. 336 с.
9. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991. 222 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 13.03.2014).

11. Привалова И. В. Построение типологии национально-маркированных языковых единиц // Вопросы психолингвистики. М.: РАН, 2003. № 1. С. 95-101.
12. Прудникова Е. С. Гендерные стереотипы современной молодёжи: лингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29). Ч. I. С. 162-164.
13. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. 924 с.
14. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Сарма, 2000. С. 24-32.
15. Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Сарма, 2000. С. 13-19.

NOUNS WITH A MEANING OF GENERAL NEGATIVE VALUATION OF APPEARANCE OF A HUMAN BEING IN RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Mil'bret Alina Aleksandrovna
Saint Petersburg State University
alina_stepanova@mail.ru

The article investigates the nouns representing general negative valuation of appearance of a human being. The author considers the representation of the analyzed units in the language consciousness of the native speakers of Russian, specifics of their parameterization and functioning in various types of discourse, describes the pragmatic component of their meaning. The analysis is carried out within the framework of linguoculturological trend, a topical one for modern linguistics.

Key words and phrases: language consciousness; linguistic world picture; linguistic mentality; pragmatic component of the meaning; cultural linguistics; association experiment; cognitive test.

УДК 8; 81-25

Филологические науки

В настоящей статье исследуются наиболее значимые особенности научно-специальных текстов педагогической направленности в аспекте принятия верных переводческих решений. Центральной проблемой выступает изучение специфики перевода средств объективности изложения, а именно трудности перевода терминов различных педагогических терминосистем, лексики общенаучного описания. Для иллюстрации трудностей перевода текстов данного типа предлагаются фрагменты перевода современных аутентичных текстов педагогической направленности с анализом выбора переводческого решения.

Ключевые слова и фразы: научно-специальный текст педагогической направленности; языковые средства объективности изложения; перевод терминологических выражений, лексики общенаучного описания; переводческие трансформации.

Мирзоева Елена Юрьевна, к. пед. н.

Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова (филиал) в г. Анапе
anara_g@inbox.ru

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ[©]

Несмотря на многообразие подходов к определению типологии текстов в современном переводоведении, неизменным остается тот факт, что научные тексты представляют собой отдельный пласт всех классификаций, имеющий свои особенности, которые определяют характер работы переводчика с текстами подобного рода.

Говоря о своеобразии перевода текстов разных типов, И. С. Алексеева подчеркивает тот факт, что «текст обладает специфическими признаками, отмечено было давно. Во всяком случае, выработка особых правил для перевода разных текстов известна нам и в древних культурах, и в античности, и в средневековье. Можно напомнить и некоторые эпизоды из российской истории перевода, скажем, рекомендации Петра I посольского приказу употреблять слова – ведь они касались строго определенных текстов: деловых и научных» [1, с. 242].

Важнейшей чертой представления когнитивной информации в научно-специальном тексте является объективность изложения. Объективность изложения достигается при помощи ряда вербальных средств, к которым можно отнести грамотное употребление терминов, оперирование синонимическими вариантами лексики общенаучного описания, соблюдение при переводе текста таких закономерностей как преобладание номинативных конструкций с абстрактным значением, настоящего времени глагола и различных средств выражения пассивности.